

Дайви Наудис
ЭТО ВСЁ О НЕЙ

сказки для взрослых

Дайви Наудис
Это всё о ней.
Сказки для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711930

ISBN 9785449301390

Аннотация

Буквы, выстроенные в ряд, образуют кружево жизни, свитое из лунного света, волшебства и Божественной искры. Сказки для взрослых девочек открывают слой в ту реальность, где невозможное возможно. Заряжено волшебством. Действуй! Все мечты сбудутся...

Содержание

Д. АР ТЫ	5
Часть 1	6
Часть 2	18
ЗЕЛЁНАЯ ДВЕРЬ	26
Часть 1	28
Часть 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Это всё о ней Сказки для взрослых

Дайви Наудис

Редактор Анте Наудис

© Дайви Наудис, 2018

ISBN 978-5-4493-0139-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается: единственной тебе!

Д. АР ТЫ

Часть 1

*мне побежать бы к вам
в плечи уткнуться лбом
и в землю лить слова
это и есть любовь
это и есть любовь
это и есть любовь
«пусть нам повезет» Д. Арбенина*

Собственно, всё до банальности предсказуемо и, даже, не интересно, когда тебе 14 лет. И то, что это любовь к девушке, а не к молодому человеку, в общем-то, не так уж это и важно. Главное, что она есть. Гораздо приятнее не спать ночами, потому что – ну просто не до сна, чем от осознания собственной ненужности ни одной живой душе.

Я ложилась, закрывала глаза, открывала глаза, отдергивала штору, забиралась с ногами на подоконник и, глядя вверх, смотрела на звезды. Иногда я думала, что вот в эту самую минуту кто-то так же сидит и смотрит с тоской на звезды. А может даже она?

Её фотографии, распечатанные из Интернета, сплошь были увешаны все стены моей комнаты. Диана с микрофоном на сцене, закрыв глаза, вдохновенно поёт своим чуть хриплым и страстным голосом. Или подбирая аккорды на гитаре, смотрит задумчиво куда-то вдаль. Или обрушивает с чер-

но-белого оттиска виртуозное гитарное соло. Или вот, мое любимое фото – вся излом, надрыв, средоточие до атома, до последнего позвонка, а в опущенных глазах затаённая, вся спрессованная нежная боль.

С чего я взяла, что это взаимно? Мне даже и в голову не приходило, а что – если нет. Почему-то я была уверена, что она меня увидит и тоже поймет... что поймет? Поймет, что есть я и в меня можно влюбиться. Осенью особенно одиноко и особенно хочется любви, а рядом теплое живое сердце. Потому что очень холодно снаружи, когда холодно внутри.

От холода внутри хоть как-то спасала параллельная жизнь в наушниках и ее стихах. Хоть как-то... В общем-то, это была скучная серая жизнь современного подростка. Лицей, дом, осень, холод, дождь. И ровным счетом ничего за чтобы можно было зацепиться и дожить до весны. Весной хоть какое-то подобие жизни, когда солнце заглядывает в столицу, и теплый толстый свитер отправляется на верхнюю полку шкафа. Но до этого еще целых 172 800 минут.

– Ты идешь в субботу в клуб?

– Нет, а что там?

– Как, ты не знаешь? Все перекрестки в городе увешаны её афишами. Диана Арбенина дает концерт. Вообще, где ты живешь? На необитаемом острове что ли? Ты должна с нами пойти. Ведь ты все время сидишь дома. Обязательно пойти!

«Конечно, – подумала я про себя, – обязательно, потому

что там я увижу её»

Еще накануне я загадала, если смогу пробраться к сцене, то всё будет... что именно я не знала, но это меня не особенно волновало. Главное увидеть её.

В клубе в субботу яблоку негде было упасть. Белоснежные розы для нее я бережно прижимала к груди, пытаясь хоть как-то приблизиться к сцене.

«Пусть мне повезет, пусть мне повезет, – шептала я как молитву её песню»

Видимо Богу угодно было, чтобы мне повезло в этот вечер. Полицейский, стоявший в непосредственной близости к сцене, подпустил меня так близко к запасной лестнице, ведущей на сцену, как только мог. Не знаю, мой умоляющий взгляд или цветы в моих руках сыграли свою роль, но я стояла на расстоянии пары-тройки метров от стойки с микрофоном. Там, в чёрной обтянутой на груди майке и простого силуэта чёрных джинсах, неуловимой молнией летала она. Я слышала тяжелое учащенное дыхание, видела мелкие бисеринки пота на крутом лбу, коротко постриженные ногти с запекшейся на заусенцах кровью, мелькавшие по гитарному грифу или быстрые стремительные пальцы на упругих клавишах акустического пианино. Я думала я сойду с ума. Я не могла вместить в свое маленькое, еще детское сердце, столько любви, когда просто увидела её глаза. А когда она стала петь, я, кажется, перестала дышать, потому что невозможно было выдержать эту невероятную обрушившуюся

юся на меня нежность. Я не могла смотреть на ее лицо и просто закрыла глаза.

Так и стояла с закрытыми глазами, до боли сжав побелевшими пальцами цветы. Мне казалось, что я одна стою посреди улицы и нет никого. И она идет мне на встречу, нет бежит и что-то говорит на ходу. Говорит долго, страстно, нежно, захлебываясь и пытаюсь вместить в эти странные слова то, что нельзя вместить. И как вместить в эти буквы долгое одиночество, когда все внутри рвется от какой-то дикой испепеляющей тоски длинными холодными ночами или когда светит солнце, а внутри беспросветная темнота и только прорезями для глаз выхватываются слабые пятна призрачного света снаружи.

Я не слышала звуков, я не слышала слов, но в тоже время, её голос словно звучал в моей голове всегда. Такой знакомый, такой родной, до невозможности невозможно слышать, и я почти что выключаю его из памяти, потому что так невозможно слышать и еще более невозможно не услышать вовсе...

И вдруг тишина. Оглушающая, страшная, захлебывающая тишина... я открываю глаза и вижу глаза. О, этот взгляд я узнаю из тысячи! Её глаза, не мигавшие смотрели на меня. Не отрываясь. В упор. Так наверно расстреливают взглядом, когда уже за пределом человеческих сил выдержать эту рвущуюся наружу, отчаянную попытку безудержной любви.

И я, не понимая ничего, просто шагаю навстречу этому

тоскливому артиллерийскому прицелу бесконечных глаз, ведомая какой-то неведомой силой. Одно мгновение и словно электрический разряд проник в мое тело – твои пальцы невзначай, будто случайно коснулись моих. Злосчастные розы.

Всё кончено. Все куда-то двинулись, и меня понесло людской волной. Как наркоз все чувствуешь, но не над ничем не властна... Гримерка, а ты сидишь на столе, усталая и опустошенная, под глазами пролегли черные тени, отдана вся до предела. Крутишь в нервных руках черный маркер. Эмоций нет.

– Что это? книга? – замечаешь в моих руках книгу.

– Стихи, для тебя стихи.

– Прочитай, я хочу услышать, что слышишь ты.

Я читаю.

Кто эти губы целовал

Кто эти пальцы сжимал в ладони

Кто так касался нежно едва дыша

Ткань непослушной рукой снимая.

– Почему без знаков препинания?

– Не знаю.

– Я знаю, потому что сердце не имеет остановок, понимаешь? – и смотришь на меня совершенно ошеломленными глазами. – Пойдем.

И я едва успеваю за тобой, хватаю куртку, непослушными

пальцами наматываю шарф. Ты застегнутая на все пуговицы в капюшоне, черных очках, чтобы не узнали? Идешь по улице. Мимо нас проносятся машины, обдавая нас ночной суетой, и редкие прохожие спешат в теплое пространство желтого семейного света.

– Понимаешь, знаков нет потому, что сердце не знает остановок. Понимаешь, они все думают, что я боец. Что я всё могу, со всем справлюсь. А я иногда ловлю себя на мысли, что я вовсе не такой уж и боец. И справлюсь или нет – это только время покажет. Но делаю для этого всё, вот максимально, чтоб потом никаких к себе претензий – всё, что могла, сделала. Выложились на все сто.

Я молча слушаю, разглядываю темную лужу на асфальте.

– Посмотри на меня, – почти что приказ. – Почему ты отводишь взгляд?

Как объяснить то, что внутри – оно сильнее меня, оно ломается, и я перестаю быть. Не хочу думать, что закончится ночь, и мы пойдем каждая своей дорогой. Как сказать, что ты стала моим воздухом, если тебя нет рядом, то и меня нет. Как объяснить это тебе?

И вдруг, ты останавливаешься так резко, что я слышу запах твоих коротко-стриженных волос под тяжелым капюшоном. Привлекаешь меня к себе и, глухим не видящим взглядом, смотришь на меня долго-долго, внимательно. Я вижу, как подрагивает жилка на вытатуированной шее, предательски-мокрый блеск почти черных глаз. Еще никогда я не ви-

дела тебя так близко: тонкую нервную красоту над почти мраморным лбом, сухие растрескавшиеся губы, как натянутая кожа на твердые острые скулы. Между нами стекло ноябрьской ночи. Обжигающе-жгучий воздух твоих губ касается моего лица.

– Малыш, нас нет, мы не существуем. Это сон.

– Сон? – переспрашиваю я. – И я снова буду одинока? Утром я проснусь в своей кровати и буду снова существовать в мире где нет тебя, и мы никогда не встретимся?

Я почти кричу: страшно, отчаянно. По моим щекам текут нескончаемые потоки слез. В горле горчит от соли, я захлебываюсь словами и рыданием.

– Послушай... Да нет же, послушай меня. Я приду, но я буду другая. Это буду я и не я. Понимаешь? Но я узнаю тебя из тысячи. А ты узнаешь меня, непременно узнаешь. Видишь, ночь кончается, скоро рассвет? Нам пора. И спасибо за стихи, давно мне не писали стихов. И помни: я тебя узнаю. Узнаю, чтобы вот так уже никогда не уходить. «Я буду любить тебя даже когда на время умру» *

И она быстро зашагала по сонным лужам, не оглядываясь. Я еще долго стояла и смотрела ей вслед, растерянная и ошеломленная ее странными словами, ее стремительным уходом, больше похожим на бегство. Стояла и смотрела: мимо мелькали освещенные окна машин и редкие прохожие удивленно смотрели на девушку, стоявшую посреди улицы тёмной осенней ночью.

Стояла и смотрела в никуда, пытаюсь собрать воедино события уже почти прошедшей ночи. Кто я, для чего живу и что же мне делать дальше? Больше всего на свете мне хотелось свернуться калачиком прямо на улице, лечь и плакать, плакать, плакать над своей не случившейся любовью. Как холодно и одиноко внутри. Как промозгло и темно снаружи. Я хочу глубже спрятаться в одежду, чтобы не чувствовать боли. Прячу руки в карманы. Что это такое? Пальцы натолкнулись на острый угол листа, сложенный вдвое. Я напрягаю зрение, читаю.

Спать на твоём плече
Слышать запах твоего тела
За руку держать тебя даже во сне
И в зрачок зелёный как море смотреть
Это все что нужно мне.

Когда ты успела положить мне это в карман? И почему зелёный зрачок? У тебя глаза... глаза... странно, но как ни старалась, не могла вспомнить цвет твоих глаз. Я ясно слышу запах твоей кожи, жесткие мозолистые от струн длинные пальцы, горячее дыхание на моих губах. Оно так обжигает мои посиневшие губы, так согревает, что...

Что это такое? Так это все только сон? Прямо перед моим лицом сидит внушительного размера пушистый полосатый кот и сосредоточенно облизывает мне лицо.

– Ах, как ты мог так все испортить?! Для чего тебе пона-

добилось именно в этот момент так резко разбудить меня? Какой же ты проказник! Иди сюда немедленно, я тебе сейчас покажу! – И я сгребая его недовольного в охапку.

Несколько мгновений мы шутивно боремся – кто кого. Сила мощных лап и острые когти все же весьма весомый аргумент в любом споре. Он вырывается, недовольно взъерошив шерсть на загривке, одним прыжком подлетает к двери и, просунув лапу между крохотным отверстием двери и полом, виртуозно открывает дверь. Бросив торжествующий взгляд на меня, кот садится в тёмный простенок в коридоре и терпеливо ждет, когда я окончательно проснусь и накормлю его завтраком.

Пару раз сладко потянувшись и мурлыкнув с наслаждением не хуже кота, я медленно иду на кухню. Проходя мимо зеркала в коридоре, я строю смешные рожицы своему отражению, хотя мне совсем не весело. Мимоходом замечаю одну странную деталь. На вешалке поверх родительских пальто висит моя куртка вся в тёмных разводах от воды. Тонкая ткань на плечах и спине так пропиталась избыточной влагой, что свисала тяжелой объемной массой. Но вчера вечером не было даже никакого намека на дождь. Ярко светило совсем не ноябрьское солнце, хотя и было достаточно прохладно.

Я в растерянности провожу по гладкой скользкой поверхности куртки и слышу характерное шуршание в кармане. Рекламная листовка? Терпеть не могу всякий бумажный мусор

в кармане. На белоснежном, чуть влажном листе, размашистыми угловатыми буквами были написаны несколько строчек. Жирный след от черного маркера в нескольких местах превратился в мохнатые кляксы. От неожиданности я замираю и не могу сдвинуться с места.

Так это не было сном? И твой запах такой близкий и знакомый? И твои напряженные уставшие запястья? И нежность обветренных губ и... Я вспомнила всё, всю эту странную осеннюю ночь и твои теплые ладони на моем лице. Я вспомнила и твое странное обещание узнать меня, найти меня, быть со мной и быть только моей одной. И чем больше я об этом думала, тем меньше понимала происходящее.

В какой-то момент жизнь казалась мне сном, что я теряла ощущение реальности. Я падала в некое условное пространство, где была эта прошлая ночь или я уже упала туда? И была в ней в этой ночи и твоя гитара в тяжелом чехле ждет своего часа и розы своими безжалостными шипами колют мне пальцы до крови и твое тело еще полно силы и страсти отдать себя музыке растворится в ней без остатка, чтобы вынырнуть на берег пустой и молчаливой.

Я думала весь день о тебе, мимо себя пропуская всё внешнее пространство. После школы я не пошла домой, а села на троллейбус и поехала на Патриаршие, где была так безудержно счастлива и несчастна этой ночью. Я шла по той же улице, мимо также проносились люди, машины, собаки на поводках вели своих хозяев на прогулку, и послед-

няя строчка твоих стихов пульсировала в моей голове

И в зрачок зелёный, как море смотреть,
Это всё, что нужно мне.

– Что, прости, что ты сказала?

– А? Что происходит? Кто ты?

Прямо передо мной стояла незнакомая девушка, и её зелёные русалочьи глаза глядели на меня с неподдельным любопытством.

– Ну как же, вот ты только что сравнила мои глаза с зелёным морем. Мой отец так всегда и говорит, что мои глаза цвета Балтийского моря, то есть зелёные. Кстати, я из Латвии и меня зовут...

Но я уже не слышала, что говорила девушка, а во все глаза смотрела на нее. Почему-то ее лицо было таким знакомым и не знакомым одновременно. И внимательный взгляд бесконечных глаз из-под тяжелого капюшона, и тонкая нервная красота в ее неправильных чертах и высокие острые скулы – все это я уже где-то видела, но где, припомнить не могла. Только смотрела и смотрела, не отрываясь в зрачок зелёный как море.

– А может пойдём в кафе? Холодно и, кажется, собирается дождь. И ты мне еще расскажешь про мои глаза, цвета балтийской волны.

– Да, – тихо прошептала я, и мои глаза засветились тихой

внутренней радостью, потому что я внезапно осознала, что
«я буду бежать к тебе до и после того как умру»! **

14.09.2017

* стихотворение «с нуля» Д. Арбенина

** стихотворение «кротам кранты» Д. Арбенина

Часть 2

Прошло целых 2 года после того как ты стремительно исчезла из моей жизни и также стремительно появилась вновь. Два – это так много. Я уже привыкла что я, когда угодно могу заглянуть в твои глаза и увидеть в них в свое отражение. Или почувствовать тепло твоей руки в моей ладони. Или любое, что угодно делить пополам. Или закрыть глаза и знать, что рядом большое и теплое, почти как кот, только лучше.

А иногда страх парализует меня, сдавливая горло и тогда мне отчаянно страшно. Что это сон, пусть ноябрьский, мокрый, безнадежный сон. Помнишь темноту Патриарших... Помнишь? Но там все равно была надежда. А если это не сон, а реальность, а в ней нет тебя – то тогда как? Как я буду?

– Послушай... мы есть. Понимаешь? Мы настоящие и мы вместе, – и ты притянула меня к себе, обняла так крепко и нежно.

– И ты не считаешь, что это все бред? Ну помнишь я тебе рассказывала... Арбенина, а потом ты появилась. Я не знаю как это, но я знаю что она это ты, а ты это она. Только не спрашивай меня как это, я и сама не знаю, я просто знаю.

И я начала тебе сбивчиво и путано объяснять, а страх всё больше сгущался в моих глазах. Я не выдержала и заплакала горько и без всякой надежды на спасение, так плачут только в детстве. И вот опять концерт. А вдруг это все только снит-

ся?

– Послушай, малыш, это все взаправду, а чтобы ты окончательно поверила, я тебя уколою, – и ты отстегнула с палантина тонкую булавку и слегка вонзила мне в кожу. Показалась кровь а вместе с ней и боль.

– Ай, больно! Ты чего дерешься? Вот обижусь на тебя будешь знать.

– Но теперь ты убедилась – во сне боли не бывает, – ты со смехом заглядываешь мне в глаза. – А если тебе больно, значит это не сон. И я не считаю все это бредом. Да, некоторые вещи мне не понятны, признаюсь честно, но знаешь, в любви не бывает правил, там совершенно другая реальность. А в клуб, в клуб я с удовольствием пойду с тобой.

...А свет всё пребывал, затапливая собой все стены, пол, лица. Синий, оранжевый, зеленый, фиолетовый бился в вакууме моего зрачка. 110 децибел – это много или мало? Сколько в ней *неэвклидовой* любви или в полумраке уснувшей нежности – сколько здесь есть тебя? А ты как всегда вся не можешь, чтобы не отдаться... вся до самого дна. И знаешь, что? Я не вмещаю, просто не вмещаю все. Мое водоизмещение... я поняла, что оно имеет предел, и этот предел – вот он здесь, в моем сердце.

Я поняла одну вещь. Никогда! Я больше никогда не приду на твой концерт! Потому что это сильнее меня. Когда сердце застревает где-то между горлом и душой. Когда твои слова, твои резкие порывистые жесты, твои яростные глаза, кажет-

ся, пульсируют у меня в венах. А ты знаешь каким соленым может быть прикосновение, когда упругие волны касаются барабанной перепонки? Когда плачет что-то внутри, откликаясь на малейший твой взгляд, взмах ресниц или твою предельно-колкую искреннюю честность? Какой становится даже на ощупь просоленной кожа от этой невероятной хрупкости музыки, звучащей во мне? Знаешь ли ты?

И я знаю, что это все обо мне, твоя музыка, но я просто не могу, слышишь, я не способна делить тебя ни с кем, даже с твоей музыкой. Слишком больно. Я ревную, что она с самого утра гладит твои тонкие пальцы или целует твои еще сонные губы, когда ты её выпускаешь из глубины себя. Это я хочу целовать твои губы и гладить твои пальцы.

Музыка объединяет... объединяет? Почему мы оказались с тобой по разные стороны пропасти? Пронзенная твоими рифмами, я падаю всё ниже, кричу, ну дай же мне руку! Дай её. Звучащую аккордами, пропитанную не услышанными еще нотами твоим фейерверком безудержных колких грохочущих в тебе эмоций и твоим триумфом разочарований и бескомпромиссности.

Хотя, наверно, правда объединяет. Объединяет чтобы жить, когда другие уже давно мертвы в своих телах, спешащих по холодным осенним улицам, жить счастливо и сегодня не задумываясь о вчера, которое уже скрыто туманом снов, не заглядывая в будущее, которое едва появляется на свет.

Просто жить пусть с содранной кожей,
Ощущая все только нервом и ртом,
Плыть течением запрудой плотиной,
Не пытаясь постичь, что там за холстом...

Знаю как пульсирует в тебе глухая злость пустой беличьей жизни. Ты первая – всегда бунт бессмыслице и обыденности. Никогда не спокойна. Всегда преодолевать, всегда только вперед, грудью на амбразуру и всё тебе мало. Всегда против шерсти, против течения, мало кто способен выдержать, но если выдержал – то уже навсегда —избранные в кругу света. Мы похожи, только злость что-то притупилась, с годами нервы на исходе на самой границе бессознательного и бескомпромиссность всё чаще идет на компромисс с собой, чтобы не трогали, не вытаскивали из тёплого болотца.

Да ты мудрая – смеёшься ты. Может быть – послушно киваю головой. А может просто разочарование заменило собой жажду справедливости. Может быть всё, что было так тонко и до предела натянуто притупилось. Шашка заржавела за ненадобностью – рубить некого конь устал – вздыхает во сне тонконогим жеребенком да ездок уже не тот, что вчера. Хочется уютного семейного тихого, завернутся в плед и смотреть сквозь хрупкие хрусталики луж как последний лист дрожит на серой обледенелой ветке.

И вдруг всё исчезло. Я растеряно озираюсь по сторонам, зябко повожу плечами из стороны в стороны. Ты как в воду канула. Кругом куда не глянешь – люди, они стоят плотным

кольцом и как щупальца спрута тянутся со всех сторон. Живое человеческое море. А мне кажется я стою одна посреди темноты ночи и только старый печальный фонарь делит со мной мое одиночество. Почему так чувствуется собственная бесприютность, когда тебя нет рядом? Почему так рвется сердце? И еще хотя бы раз, хоть на секундочку увидеть родные глаза и задохнуться знакомым до боли запахом твоих волос! Оттого так одиноко что сдулся мой шарик, оттого, что ты мой воздух и если тебя нет – то и меня нет.

– Эй ты как? Все нормально? – кто-то трогает меня за плечо. Поднимаю глаза и вдруг ты. Неуловимая и вот такая близкая, стоишь напротив ерошишь свои короткие волосы.

«Я выжала все соки из своего мозга и мне все мало»

– Ну как тебе сегодня?

Ты стянула майку через голову. Твое тело в маленьких дрожащих каплях. Пот застилает твои глаза, намочил волосы и шею. Такой неуловимый тонкий запах. У меня кружится голова, мысли путаются, становятся бессвязными. Обжигающе холодная вода долетает до меня, стряхивает с меня этот сладкий дурман. Я вижу твои закрытые глаза, на лице бродит почти блаженная улыбка. Боже, как ты можешь стоять под этим арктическим холодом? Не понимаю...

Боюсь смотреть на твоё тело. Мучительно отвожу взгляд. В уголках губ начинают образовываться еще неуловимые складки. Это вся боль прошлого, тяжелой печатью легла на твоё лицо. Еще упругая грудь, полная силы и огня начи-

нает чуть подвисать под собственной тяжестью. Фиксирую, автоматически не оценивая, просто люблю.

Бывают коллекционеры, они собирают разные предметы, гоняются долго за какой-то редкостью, а когда получают ее, то страшно горды собой – ни у кого нет, а у меня вот поглядите! – и протягивает каждому встречному-поперечному свою находку. И я такая. Но я коллекционирую тебя.

Чистый прозрачный воздух лизнул твою кожу, и пушок над верхней губой вспыхнул золотым. Так можешь смотреть только ты, с вызовом безудержной нежности, дразня и распаяя меня еще больше или вдруг вся в одну минуту сделавшись серьезной, твои глаза становятся нездешними и устремленными глубоко в самый звук и нервный танец нервных кистей, замерших на черно-белых клавишах. Все это ревностно фиксируется во внутренний каталог и оседает на внутренней полке. А после, скрывшись ото всех в самой глубине своей личности, я достаю свои диковинки и любовно перебираю их в памяти.

Когда ты злишься твои глаза становятся совершенно беспощадны, сжигая не только объект злости по большей части – меня, но и тебя. Я так не умею. Это неистовое пламя, есть что-то в нем особое, не ведомое мне. Бесстрастным внутренним затвором я впечатываю его в бумагу памяти. Или бьющееся во все стороны солнце, что выливается из тебя когда ты счастлива, мне не доступно даже такое солнце. Я ровным счетом и не понимаю, как можно вот так радоваться

безрассудно и без оглядки? Танцевать на виду у людей, кричать потому что так переполняет что-то бескрайнее и яркое? Какая ты смелая и отчаянная в своем безумстве.

Я все время наблюдаю за тобой. Я изучаю тебя как нечто непостижимое и удивительное, что есть в той же реальности, что и я. Ты такая другая, совсем не похожая на меня. И в этом то и есть твоя особая притягательность в моих глазах. Не бойся, я никогда не устану и не исчерпаю тебя – потому что одних только мельчайших полутонов эмоций в твоих слегка сумасшедших глазах хватит на несколько жизней.

Боюсь смотреть на твое тело и в тоже время мучительно сладко смотреть на тебя. Сколько воли к жизни в гордом изгибе шеи, сколько дерзости страсти и отчаяния в розовых круглых сосках. Сколько знакомого, незнакомого в ложбинке между широкими грудными мышцами. Как люблю проводить рукой, какая нежная бархатистая на ощупь кожа. Каждую клеточку кожи я изучила наизусть за эти 17520 часов вместе. Сколько...

– Ты! Так это все время была ты! – Я узнала тебя по твоей ложбинке. – Как ты это делаешь со мной? Это слишком жестоко, вот так исчезать. Мне было так страшно, что я тебя больше никогда не увижу. Как ты можешь, бессердечная девчонка, так поступать?

Ты взяла меня за руки, заглядывая в глаза:

– Запомни, малыш, я всегда рядом и всегда тебя держу тебя за руку, даже если меня нет рядом. Всегда! А теперь

пойдем, время уже позднее, у тебя уже глаза слипаются.

Мы вышли на улицу, круглая желтая луна лениво катилась по небу, то пропадая, то резко выныривая из пухлого кармана толстого облака. На чернеющем небе отчётливо проступали черные тени деревьев. Их причудливые, словно вырезанные из тонкой бумаги листья, слабо поблескивали в темноте большого города. Недавно прошел дождь, и листья, бережно умытые холодной водой, делались необычайно притягательными в холодном свете луны. Они напомнили мне бабушкино ожерелье из мистического и очень редкого раухтопаза. Я часами разглядывала эти бусины, то дымчато-серые, то глубоко-болотные, то почти чёрные, они, казалось бы, жили своей тайной каменной жизнью, скрытой от посторонних глаз.

Ряд крупных продолговатых бусин и подвеска из двух тоненьких веточек вишен с тяжёлыми тёмными ягодами, и эти листья сверху казались теми каменными бусинами из далекого детства. И так тепло и невероятно горячо почему-то делалось где-то в груди, словно я опять маленькая девочка, сидящая в темном уголке под кроватью, и ожерелье тяжелой массой оттягивает детскую тонкую ладонь.

10.11.2017

ЗЕЛЁНАЯ ДВЕРЬ

Часть 1

Лида шла по улице и думала о чем-то о своем грустном и совсем не веселом. Дождь, поздний вечер, уже пахнет осенним духом, мокрым ярким листом, сырой землей, скучными лужами на асфальте. Сквозь узорный, словно вырезанный из золотинок клен, видно высокое черное небо. В окнах мягкий запотелый через туман свет.

Вот вся семья и даже кот на стуле, чинно сидят за круглым под абажуром столом, ужинают. Видно, как они рады друг другу, как светятся их лица радостью, виден пирог с яблоками и белый пар от кружек с чаем.

«Они вместе, а я одна и вчера одна, и сегодня одна, и через месяц все одна-одинешенька. Некому чай налить в тонкую кружку и пирога нет, не то чтобы с яблоками, а даже и корочки хлеба в холодильнике нет. Даже кота и того нет, – думала Лида»

«Но где же ты где? – губы шепчут как молитву, – люблю тебя уже много жизней подряд. Ищу тебя везде и всюду в разных телах мужских и женских, но не могу найти. Как же устала от этой бессмысленной жизни. Где же ты, пожалуйста, отзовись, приди покажись хотя бы на мгновение, чтобы я узнала тебя. Я обязательно узнаю. Каждое утро встаю не известно для чего, ведь в новом дне не было ее. Или есть и, может быть, именно сегодня мы наконец встретимся?»

И эта вера поднимала её по утрам, давая силы на еще один день.

Днем Лида с головой погружалась в работу, лишь бы не чувствовать пустую леденящую дыру в сердце. Деньги, работа, подруги, даже любимые танцы не приносили облегчения. Дыра не становилась меньше, не переставала ныть и саднить острыми зубами тоски. На работе ее ценили, чтобы не возвращаться в гулкую пустоту квартиры, она задерживалась допоздна. Руководство заметило это рвение, поручив возглавить расширяющийся отдел, и Лида быстро пошла по карьерной лестнице вверх. Если бы они только знали, чем вызваны эти задержки на работе. Хотя, она была рада полностью занять свой ум работой, чтобы не думать о странной пустоте внутри. Уходила самая последняя, медленно гасила свет в кабинете, неторопливо закрывала дверь и резко распахивала, вновь вглядываясь в чернеющую пустоту офиса, словно пыталась в ней разглядеть кого ждала и искала. Но пустота равнодушно и холодно глядела на нее громадным во всю стену окном и словно смеялась. Она со стуком захлопывала дверь, спускалась в подземный паркинг и долго-долго сидела в холодной машине, не в силах повернуть ключ зажигания.

Она ехала по сонной Москве. Кажется, этот город никогда не спит. Не смотря на поздний час, по улицам несутся сотни тысяч машин. Они светят фарами в ее красивое лицо и от этого света ей делается нестерпимо больно и жалко себя.

«Кому нужна эта красота? Для кого я покупаю модную одежду, дорогую косметику, вкусную еду? Если я никому не нужна. У моих ровесниц старшие дети уже пошли в школу, а я все также одна»

По пути домой она заезжает в магазин, он тоже похоже не спит. Люди снуют между стеллажами, загружая свои тележки до самого верха коробками, свертками и пакетами. Она тоже сделала покупки, машинально складывая в свою корзину упаковки с соками, баночки с йогуртами, тубики с кремами и шампунями. Для чего-то берет вторую подушку и роскошные кипенно-белые с вышитыми вензелями шелковые простыни? Чайную пару императорского фарфора с золотыми лебедями зачем-то. Дома она ставит чашки на стол, кладет новые простыни на кровать и рядом со своей подушкой пристраивает и новую. Наскоро приняв теплый душ, залазит под одеяло, и постель так обжигает тело нестерпимым холодом одиночества, что она плачет в подушку до изнеможения, пока не засыпает.

А утром опять эта надежда.

«Может быть сегодня будет именно тот день, день нашей встречи?»

О, она узнает ее из миллиона лиц, узнает ее запах. Узнает ее глаза, сколько раз во сне она тонула в этих бездонных как бездна глазах, прижималась всем телом к ее теплоте и такому родному телу, вдыхая аромат волос.

За утренним чаем Лида просматривала почту. Иногда ей

казалось, что она сходит с ума от одиночества. Ее ночная, такая знакомая незнакомка из сна странным образом оставляла ей длинные послания. Строчки расплывались и прыгали в глазах, когда она читала полные любви и нежности слова: «Тебя одну я искала и ищу уже много лет. Но я никогда ни на минуту не переставала любить, знай я всегда с тобой в твоём сердце, даже если меня нет рядом... и только время отделяет нас друг от друга...»

Что делать с этими посланиями и как это все понимать Лида не знала. Но каждое утро, вскрыв длинный белый конверт, она читала и горько плакала от безысходности и от жалости к себе, от того, что это всего лишь сладкий сон, а утром опять унылая одинокая реальность.

«Может быть показать это Марине? – размышляла она, – но у нее муж, ребенок и забот полно, а мои проблемы ей ни к чему. Да и что я ей скажу, что каждую ночь у меня роман с какой-то незнакомкой, а утром я получаю от нее письма с нежным ароматом жасмина. Бред да и только, буду молчать»

– Чёрт! Уже 7 часов, – спохватилась Лида. – Опаздываю, быстро в душ и на работу. Пока по пробкам доеду все 8 будут!

И она стремглав убежала в ванную. Через 20 минут эффектная зеленоглазая девушка в коричневом шарфике, мягкими складками, ниспадающими на гибкую шею, спустилась во двор. Увиденное опечалило девушку. Ее верный желез-

ный конь заграничной марки стоял со спущенным колесом.

– Этого только мне не хватало, придется в метро спускаться... ну что же это за день такой сегодня? Хорошо, что туфли удобные надела, ноги не натру, – Лида быстрым шагом двинулась с сторону метро.

Подземелье кипело и кишело, везде были люди. Час пик, весь офисный планктон Москвы набился в метро. Лида унылым взглядом проводила до верху набитые пассажирами поезда, но на платформе меньше народу не стало. Живая масса внесла девушку в вагон, втиснув между благообразного вида старичком в шерстяном черном берете и роговых очках в тяжелой оправе и малолетним юнцом в рваных джинсах и бесформенной куртке.

Она закрыла глаза и погрузилась в какое-то странное полусонное состояние. Пыталась думать о незнакомке из сна, но мысль все время куда-то соскальзывала проваливалась внутрь ее головы, она ныряла за ней и вот почти поймала и... что-то коснулось ее плеча.

Лида открыла глаза, не понимая где находится. Знакомые буквы на стене и чуть не проехала свою станцию. В последнюю секунду выбежала из метро и быстро-быстро побежала по лестнице.

Серое молочное небо ослепило Лиду.

«Надо же, а я и забыла уже какое оно бывает это небо. За рулем почему-то все выглядит иначе»

Она подняла лицо, вдохнула холодный воздух и внезапно

поняла, что все изменилось, и внезапная беспричинная радость вдруг нахлынула на нее. Что именно изменилось и как она не знала, но ощутила всей кожей запах перемен.

На мгновение она вспомнила себя 5-летним ребенком, стоящим у новогодней елки в предвкушении какого-то дивного волшебства, чего-то такого необычного и сказочного, которое бывает, пожалуй, только под Новый год. Словно какая-то волшебная дверь приоткрылась в таинственный мир и можно хоть одним глазком заглянуть в то параллельное пространство чудес и тайн.

Бабушка в детстве говорила, что в том мире живут ангелы. «Какие они, ангелы-то?»

«Да из света, милая, из света они сделаны, а увидеть их нельзя на земле глазки не подходят. Живут они в прекрасном дивном саду с лебедями и водопадами, а дверь в ту страну зеленого цвета, охраняет ее орел с золотыми крыльями. И если ты когда-нибудь почувствуешь, что все изменилось и радость внезапная будет, то знай – это ангел из той страны, прилетел и крылышком тебя коснулся».

Вот и сейчас Лида почувствовала, что какое-то необычное существо из волшебной страны с зеленой дверью пролетело прямо над ее головой. Совсем рядом и так близко, что перехватило дыхание от осознания, что я вот тут иду на работу, а над головой ангел из волшебного мира с зеленой дверью. А мимо идут люди, много людей – все хмурые скучные с заспанными глазами идут вниз, а где-то там вверху, выше

крыш он летит и смотрит на нас, на нас таких нелепых забывших себя настоящих.

Лида даже остановилась на мгновение, что было довольно рискованно в толпе. Те, кто сзади стали наталкиваться на спины тех кто впереди, воздух стал накаляться, послышались недовольные возгласы. И тут внезапно девушка увидела... не понятно почему он привлек ее внимание, обычный человек каких много на улицах города, ходит продает что-то, какую-то мелочь. И он заметил ее взгляд и двинулся прямо к ней.

«Как же не люблю всех этих промоутеров. Ну вот, идет прямо ко мне, все поздно уже поздно. Не надо было на него так тарашиться. Придется сейчас с ним разговаривать, а он симпатичный, ладно пусть идет»

Подошел, уверено так ткнул что-то в руку. Уточки-мандаринки – два гладких деревянных брусочка, выкрашенных коричневой с зеленой краской.

«Немой? Даже лучше торговаться не надо... зачем? Не надо мне. Талисманы любви и счастья? А может и вправду? Возьму! Да нет, ерунда – бабушкины сказки. Ему просто деньги надо... но он же именно ко мне подошел, а не к кому-то другому. Итак, и откуда он знал, что именно я ищу ее... в конце концов, я не ничего не теряю. Ладно, если не поможет просто выброшу, а если поможет... о тогда я буду самая счастливая на свете. Возьму!»

100 рублей переключало в карман немого продавца, а Ли-

да пошла себе дальше, крепко сжимая в ладошке две раскрашенные фигурки.

«Поставлю их на алтарь рядом с изображением Бога... да это точно знак! Ангел пролетел, и для чего-то я купила подушку и чайную пару для утреннего чаепития. Я знаю, это Господь мне знак послал, чтобы я верила и ждала ее. Да это Он! Я знаю»

День так пролетел стремительно, что Лида даже не заметила, как в окна спустилась чернота. Она погасила свет, надела пальто и вышла на улицу.

Часть 2

Прошло 3 месяца, все те же сны по ночам и все те же письма по утрам в почтовом ящике на розовой бумаге с тонким, едва уловимым ароматом жасмина. Лида все ждала и надеялась. И не просто надеялась, она теперь точно знала, что скоро они встретятся.

Однажды утром как обычно привычным движением открыла ящик, но где же письмо?

«Боже, что же могло случиться? Как же так? Нет, этого не может быть. Господи, помоги мне! Мне страшно. Но я все равно знаю, что Ты любишь меня и она любит, может просто почтальон заболел или письмо потерялось на почте? Все будет хорошо – я знаю, я верю!»

«Боже, эти 8 часов тянутся так нестерпимо медленно»

Наверное, в первый раз жизни она ждала окончания рабочего дня.

«Скорей бы вечер и ночь! Я так люблю тебя! Но, Господи, что же могло случиться? Пожалуйста-пожалуйста, пусть будет все хорошо! Господи!»

Ночью Лиде приснился сон, что они гуляли по Москве, держались за руки целовались и не могли наглядеться друг на друга. Внезапно, девушка прямо во сне поняла, что именно ее она любит и всю жизнь любила. Всю жизнь искала, а когда нашла – поняла, что не может расстаться даже на мгно-

вение.

Поняла, что они вместе уже много-много лет и никогда в сущности и не расставались. Каждую впадинку на ее теле, каждую родинку, блеск этих озорных карих как виноградинки глаз. О, эти крохотные прозрачные пальчики с розовыми ноготочками, эти гладкие блестящие волосы, заправленные на нежные ушки – все это ей было так близко и знакомо, такое все родное, но она не зная откуда. Привычным движением ложились на пальцы знакомые волосы и этот взгляд, то лукавый и манящий, то задумчивый и печальный, но родной такой, свой домашний, и этот нежный овал лица и ямочка на подбородке... Когда она вот так смотрела на ее лицо, то острая щемящая нежность внезапно пронизывала все сердце и перехватило дыханье от одной мысли, а вдруг это их последняя встреча?

«Нет, этого не может быть! Я же не могу жить без этих темных глаз, этих шелковистых волос, без ее горячих объятий!»

Эта мысль, мимолетная мысль так глубоко поразило Лиду, что она не выдержала и слезы хлынули из глаз.

«Почему ты плачешь, любимая? Что случилось? Скажи мне, я разделю с тобой твою печаль и успокою твоё растревоженное сердце»

Девушка лишь молчала и горько плакала, уткнувшись в любимое плечо. Незнакомка молчала, ждала, и только гладила светлые упругие завитки на лбу, целовала ее длинные

пальцы.

Наконец, Лида заговорила: «Вдруг, мы с тобой встретимся не во сне, а в жизни и я не узнаю тебя и пройду мимо? Это же так страшно... как же я буду жить без тебя?»

«Все хорошо милая! Не думай о плохом. Я дам тебе знак, и ты узнаешь меня. Обещаю. Дай мне руку и слушай свое сердце!»

«Слушай свое сердце, – повторила Лида и тотчас же проснулась, – она даст мне знак! Значит уже скоро. Но когда? Сегодня? Завтра? Или через неделю?»

«Слушай свое сердце, – повторила она несколько раз, словно пробуя слова на вкус, – слушай сердце... да, я буду слушать».

И Лида стала напряженно вслушивается, прижав обе ладони к груди. От напряжения у нее закружилась голова, но сердце молчало. Тогда она достала из кармана пальто уточек-мандаринок, которых теперь все время носила с собой и стала пристально рассматривать их. Но все напрасно.

«Что же это значит? И как его слушать?»

Резкий телефонный звонок прервал ее размышления. Звонила Ира Тельнова, давняя знакомая. Она приезжает в Москву на пару дней и хотела встретиться. Лида обрадовалась сама не зная почему. Внезапно ее сердце так забилося, словно готовое выскочить из груди.

«Наверно устала, – подумала она, – лягу пораньше спать»

Встреча была назначена на завтрашний вечер и не просто

встреча, а поход в модное арт-кафе. Какая-то питерская поэтесса устраивает творческий вечер, на который Ира и звала Лиду.

Литература наряду с танцами была лидиной страстью. Она сама писала уже много лет стихи и благодаря своему незаурядному дарованию и трудолюбию приобрела широкую известность в богемной тусовке. А еще и новое знакомство с сестрой по перу – в общем-то вечер обещал быть довольно интересным.

– Да определенно ты все хорошеешь и молодеешь, дорогая, – пролепетала Ира. – А это Айна, она сегодня читает свои стихи. Ты ведь любишь стихи, я правильно помню?

Но Лида уже не слушала Иру. И лишь потом вспоминая тот судьбоносный вечер и отматывая время назад, старалась как можно больше вспомнить тех коротких мгновений длинной в 180 минут.

Гладкие темные волосы, расчесанные на прямой пробор и заправленные за маленькие уши, тонкие пальчики с розовыми ногтями, нежный овал лица, карие как виноградинки то лукавые, то задумчивые глаза, ямочка на подбородке... ощущение «дежавю» не покидало Лиду весь вечер.

«Где же я могла ее видеть? Боже, она такая красивая в этом розовом невесомом платье. Какие у нее хрупкие плечики и маленькие ручки. Какая она тоненькая и почти прозрачная. И кажется, что я ее уже люблю. Ее такую знакомую и незнакомую. Но где же я могла все же ее видеть? И это мне

кажется или она для меня читает?»»

Запомни как тонко натянута кожа на спинах,
Как мрамор щеки согревала дыханьем,
Как обруч кольца опоясывал палец,
Четвертый по счету, а может быть пятый?
Запомни как шли по дороге из листьев,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.